

Соломин Виталий
Месробьевич

406.03

Культура. — 2003. — 29 мая — 4 июня. — с. 16

Чтобы мы жили и чувствовали кислород

Памяти Виталия Соломина

В издательстве "Алгоритм" готовится к выходу книга "Виталий Соломин. Три любви". Авторы С. Овчинникова и М. Карапетян включили в нее отрывки из дневников и писем актера, беседы с его близкими друзьями, рассказы о сценических и экранных образах, созданных Виталием Соломиным, и эпизоды его закулисной жизни. 27 мая прошедшего года актера не стало. Сегодня мы публикуем фрагмент главы из будущей книги о нем, написанный Светланой Овчинниковой.

В. Соломин

На телевидении отсматриваю пленки со спектаклями, где играл Виталий. Их неприлично мало, хотя снято почти все. Но угнано куда-то в Реутово, откуда получить их практически невозможно. Снова собаки на сене: не показывают, но имеют — даже "Летние прогулки", где Соломин сыграл первого на советской сцене диссидента. А тогда, в 1974-м, удивительный был спектакль. Огромная популярность — и ни единой рецензии. После генеральной написала, ночью набрали, утром в газете была "дыра". Не пришла премьера ко двору власть имущим. Немудрено. Мудрено другое: уже в иные времена спектакли Виталия и с Виталием критика не баловала.

Из дневника Соломина. "Каждый

актер, по крайней мере мне известный, постоянно ждет точной оценки своей работы. Не похвалы (хотя и похвалы тоже), а той ответной реакции, по которой бы он мог убедиться, что понят... Не образ, который ты пытался сыграть, создать, а именно ты... Я хватаюсь за каждое слово обо мне: иногда начинаешь слишком остро и горевать на боль и оскорбления и поэтому от хорошего закрываешься, переходишь в глухую защиту и долгие дни перекачиваешь каждое слово, как горячие угли, из ладошки в ладошку, пока не остынут, пока не привыкнешь. А иногда хочешь зацепиться за эти слова и не можешь, как будто о другом говорят."

"Обидеть артиста может всякий". Фраза расхожая, полушутливая, а в ней — истина. В дневниках Виталия столько боли! А на людях он излучал благополучие. И доброту, которой в нем было немерено. Всем помогал. И получал от этого удовольствие.

Но надо же так заснять! Смотрю пленки — и ничего не понимаю. "Дядя Ваня" — спектакль в Малом театре из самых достойных. Принципиально важный. Это сделать было невероятно трудно. После удивительной ауры чеховских спектаклей Штайна. После горькой нежности Эфроса. После лихого и трагического эпатажа Няк-рошюса. После отчаянной проходочки Олега Борисова — Астрова — "Ехал на ярмарку ухарь-купец". После пронзительно-растерянной печали Басиллашвили. Как это трудно, казалось, невозможно — после того, как отказано самому Чехову в постановке на сцене Малого сначала "Лешего", потом "Дяди Вани" — тому уже век, — поставить эти спектакли здесь. Сначала "Лешего". Потом "Дядю Ваню". Я помню премьеру. Помню трагизм спектакля, плотный, отчаянный. А военный оркестр возле Малого театра наяривал на всю Театральную площадь. Он обещал праздник, он заманивал на него, он его уже создавал. И распахнутая сцена, так красиво обустроенная Валерием Левенталем, — тоже из праздника. Который обещал жизнь. Но будет — существование. Будут — будни. Тягостные. И очень подробные в своей тягостности. И будет Войничский Юрий Соломина. И Астров — Соломина Виталия. Работу Юрия примут безоговорочно. Виталий ушибется — и пребольно! — о непонимание. Действительно, принять такого Астрова с ходу непросто. И прочитаю в рецензии — и он прочтает! — "... трудно было угадать, на какой замысел работает смещение в роли Астрова, которому здесь даны замашки пошлака, вполне законченного и успевшего полюбить себя в этом качестве, со смаком подающего свои шуточки-дрычки: уход маршем на ко-

ленках, шутовское обмахивание дамским веером или демонстративное отпирание шкафа в чужом доме из собственного кармана вынутым ключом... У Виталия в этой роли действительно (простите, опять не могу о нем говорить в прошедшем времени...) неожиданно много куража. Нарочито много. Героя-любownika пьесы играет не вчерашний Фиеско, а вчерашний Ипполит. За что же любит его Соня? Влюбляется Елена? "На безрыбье?" Слишком было бы просто. Для этого автора. И для этого актера. Скорее — вот за этот самый кураж, шутовство, камуфлирующее трагедию несостоявшейся жизни. За сопротивление этой разлуке. За то, что "не нудный", за то, что внушает пусть зыбкое, но ощущение осмысленности жизни. Обманчивое. Но все здесь рады, жаждут быть обманутыми. А вместо этого получают пощечины откровений. Все, что у Астрова — опять-таки традиционно — было пафосом или искренней увлеченностью, — здесь шутейно. Тем естественнее. Все норовят исповедаться. А он — смешит. Станный Астров. Но не выдуманный, а вычитанный. У Чехова, который постоянно рассуждает про чудак. И эпиграфом к спектаклю, похоже, взяты слова именно Астрова, этого Астрова, соломинского: "Наше положение, твоё и моё, безнадежно", и "Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека...". Ударение на слове "было". Дуэт-дуэль братьев Соломиных здесь — зрелище увлекательное. Весь спектакль — дуэт. И весь спектакль — дуэль. Юрий Соломин играет с распахнутыми наотмашь страстями. Вита-

лий Соломин прячет трагедию, открывая подлинные чувства в редкие и очень короткие минуты серьезности, когда имидж своего Астрова вдруг снимает, как усталый паяц маску. А так... Говоря о лекарствах, берет и выпивает содержимое одного из пузырьков. А! Отчаянно куражится в сцене пьянки. Говоря про Елену: "Она только ест, спит, гуляет", — так вкусно и размашисто произносит это "гуляет", что сразу осязаешь "священное действие". С неподражаемой интонацией на вопрос: "Водочки будешь?" — отвечает, почесав в затылке: "Пожалуй!" Виталий не боится пробиваться к публике через шутовство и ерничанье — и пробивается! Постепенно от начала спектакля идет к финалу — и серьезно. Но в самый острый момент показывает дяде Ване кубаш. А в диалоге с Соней — вдруг плачет, когда говорит о Елене. Отсюда и Сонин вопрос: "Что с вами?" У Виталия все всегда логично. Он не случайно был в школе блестящим математиком.

В одном из наших разговоров — о театре, всегда о театре — сказал: "У Чехова обычно есть герой, который все понимает. Он — редкое существо. И он очень мучительно живет. Астров, с одной стороны, дело делает и леса сажает. Но видит бессмысленность этого всего, потому что леса эти обворовывают, вырубают. Однако это хочется делать, в этом смысл жизни, иначе кто я? Зачем живу? Что хочу? Почему, мучительно живя, Астров камуфлирует эту мучительность? Он старается вести себя так, чтобы не показаться смешным. Он скорее сам будет смеяться над собой, над всем происходящим, нежели

В спектакле "Дядя Ваня" позволит, чтобы смеялись над ним. Он перешагнул тот возраст, когда были надежды, что еще что-то произойдет. Какой-то огульный финал жизни! Он много работает, одинок, он чувствует себя стариком. А тогда в России говорили: "Вошел пожилой человек 33 лет". Страсти, которые разгораются на сцене — с истериками, слезами, оскорблениями и, наконец, сумасшествием, — неинтеллигентны. Этот мотив уходящей, разрушаемой интеллигентности у Чехова постоянен и очень звучен. Здесь он — лейтмотив спектакля. Интеллигентно скрывать свою боль, не утруждая ею других. Такой у Виталия Астров. Такой в жизни — во всем и всегда — был сам артист. Неинтеллигентно — так открыто страдать, так постоянно ныть. Но потеря интеллигентности здесь — это драма доведенных до крайности людей, проигравших жизнь. Ставлящих последние гроши надежды и сил на "зеро", на любовь Елены.

Виталий говорил: "Астров понимает, что не женится на Елене, нет. Он понимает, в каком она состоянии. Он и говорит ей, что не здесь, так в Саратове — вы все равно когда-нибудь сорветесь. Лучше уж здесь, на лоне природы: поэтично по крайней мере."

Я снова отсматриваю пленки. Снимали двумя камерами. Играл второй состав. Нет ни Юрия Соломина, ни Валерия Бабятинского, ни Татьяны Александровны Еремеевой. Впрочем, Виталий, как всегда или почти всегда, играет без дублера. Но почему камеры так упорно скользят мимо него? Задерживаясь на менее существенном и менее талантливом? Может быть, ну их, эти пленки? Есть

разговор с Виталием, есть его дневники, есть его друзья с их впечатлениями. А друзей случайных он не имел. Хотя... Приглашая на свой юбилей, сказал: "Будет узкий круг только самых близких". "Круг" оказался человек под триста. Зачем мне эта телесамодетельность? — думала я. Теперь даже страшно представить, что было бы, выключи тогда картинку. На экране вдруг — крупный план Виталия. Не Астрова, хотя портрет возник посреди спектакля. А — Виталия. Он переспрашивает кого-то: что для меня Малый театр? И, как всегда, дает на банальный вопрос небанальный ответ: "Для меня это хорошее похоронное бюро. Которое всю жизнь готовит тебя к этому акту. А в конце торжественно и очень красиво хоронит. За счет театра. Поскольку у актеров денег нет. Вы же правду хотите услышать, а не врать? Вот это правда."

Почему он так часто думал и говорил о смерти? Вот и в дневнике: "Сегодня с трудом встал, не хотелось просыпаться. Подкрадывается мысль: жить не хочется. Отдавливаю в глубину, вниз, в темноту. Там надо чем-то прижать и дожидаться, чтобы затихло..." Целая глава в книге может быть посвящена смерти. Страшно. А интервью на пленке горькое.

— Чего вы ждете от будущего?

— От будущего? Как и вы — ничего хорошего я не жду в ближайшие годы. Да и в отдаленные тоже.

— Что хотите пожелать?

— Пожелать, чтобы жили мы все. А то, как у меня, 35 лет проработал, сыграл 7 — 8 ролей всего. У меня пятилетние перерывы все время. И так у очень многих происходит. Я потому придумываю всякие веселящие моменты. Вот весной устроил Новый год. В филиале взял и для всех по-

ставил елку. Номера были. Застолье. Очень весело. Как в какие-то хорошие времена, когда актеры радуются, что-то играют друг для друга... Оказывается, они очень много умеют и талантливые — не даром в этом деле болтаются. Вот я и вам бы пожелал, чтобы мы жили, кислород чувствовали, делали свое дело. Достаточно получали, чтобы не умереть с голоду. Этого нам хватит, чтобы жить.

А следующий вопрос, вернее — ответ на него, словно специально для этой главы.

— Что бы вы хотели сыграть?

— Во-первых, когда скажешь, значит, этого не будет. Я очень долго к Чехову приближался. Мне в свое время предлагали что-то делать, я честно сказал, что не понимаю. Совсем. Прошло много-много лет, и попробовал что-то сыграть. Вначале Яшу у Хейфеца в "Вишневом саде" на телевидении. Вот сейчас спектакль у нас — "Дядя Ваня". И мне кажется, что я понимаю. Такое у Чехова ядро, с такой энергией — шекспировской. И понимаешь, как ошибаются, когда занудно, длинно играют, медленно, не спеша — под то время как будто бы. А у него люди живя умирают и это чувствуют. Как в "Иванове". Как в "Вишневом саде". Везде. Он подбирает людей, которые никак не могут состояться. Это их мучает. Часто умирают. Но, может быть, даже лучше, чем оставаться вот так... Замечательный драматург.

Вот и разгадка его Астрова. Живущего умирая. Сегодня, после ухода Виталия, его играет Александр Михайлов.

Из разговора с Юрием Соломиным: "Как вам теперь живется в "Дяде Ване"? Он посерел лицом: "Если говорить честно, то очень тяжело. Мне просто тяжело."

Фонд Виталия Соломина

Создан Благотворительный фонд Виталия Соломина, идея которого созрела у самого актера еще при его жизни. В Попечительский совет Фонда вошли Мария Соломина, Алексей Баталов, Василий Ливанов, Лариса Удовиченко, Ирина Розанова. Своей основной целью эта организация провозглашает сохранение памяти о выдающемся артисте, развитие традиций его творчества и благотворительной деятельности. Одной из инициатив Фонда стало учреждение 12 декабря, в день рождения Виталия Соломина, благотворительного театрального фестиваля, к участию в котором приглашаются творческие коллективы.

Сейчас Фонд занимается поиском средств на памятник Виталию Соломину.

Благотворительный фонд Виталия Соломина
(некоммерческая организация)
119192 Москва, ул. Винницкая,
д.вл. 16, стр. 2а
ОГРН 1037729002541
ИНН 7729423230
Код причины 772901001
Р/с 40703810238060114937
Царицынское ОСБ № 7978
г. Москвы
БИК 044525225,
к/с 30101810400000000225

Для писем: 117519 Москва,
а/я 57
e-mail: vovs@comail.ru